

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

И.М. Модель*

Б.С. Модель*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы формирования и конституирования гражданского общества в современной России являются объектом пристального внимания ученых, представляющих различные науки — и социальную философию, и правоведение, и политологию, и социологию, и культурологию. Заметим, что единой, устоявшейся, общепринятой точки зрения на понимание этого феномена к настоящему времени не сложилось. Однако мы с уверенностью можем констатировать наличие двух основных взглядов на гражданское общество. Одним оно представляется охватывающим все современное состояние общества, сложившееся в результате промышленных и политических революций в конце XIX — начале XX в. Для них гражданское общество — это форма общения людей в пределах промышленной цивилизации или такое состояние общества, которое характеризуется наличием социальных классов и слоев, имеющих собственные, независимые от государства источники существования¹.

Мы же солидаризируемся с другой позицией, согласно которой гражданское общество представляет собой сферу общественной жизни, существующей одновременно и наряду с государством, но независимо от его институтов. Это система самостоятельных, самостоятельных, независимых от государства общественных организаций, объединений (институтов), выражающих разнообразие частных интере-

* *Модель Исак Моисеевич* — заведующий отделом социологии ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, профессор; *Модель Бэлла Савельевна* — старший научный сотрудник отдела социологии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

¹ См.: *Библер В.С.* О гражданском обществе и общественном договоре // *Через тернии*. М.: Прогресс, 1990; *Социология. Практикум* // *Соц.-полит. журнал*. 1993; *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Союз, 1993; и др.

сы и потребности людей и создающие условия для их реализации¹. Нужно сказать, что эта трактовка гражданского общества преобладает в научных публикациях.

Определившись таким образом с пониманием гражданского общества, охарактеризуем наш подход к его исследованию как социологический. Поскольку социология (в отличие от социальной философии) не претендует на комплексное, всеохватывающее изучение предмета, вычленим собственный аспект исследования — институциональный.

Выбор наш не случаен. Как совершенно справедливо пишет Ю.М. Резник, «возникая первоначально как сфера спонтанного самопроявления и самоорганизации социальных субъектов, оно (гражданское общество) постепенно разрастается в систему и н с т и т у т о в (разрядка наша. — *И. и Б. Модели*) и организаций, осуществляющих деятельность во всех сферах общественной жизни и сдерживающих чрезмерное усиление государства и других «силовых структур»².

Мы исходим из того, что гражданское общество в современной России переживает стадию институционализации, формирования различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать этот процесс на примере становления института благотворительности, а конкретнее — благотворительных общественных объединений.

Но прежде — несколько слов о самой институционализации. Так, Т. Парсонс рассматривал институциональный или функциональный аспект социальных систем как исследование интегральных процессов и структур, с помощью которых отношения между частями этих систем упорядочиваются. Выделяя предметную сторону социологии, Э. Гидденс называет социальные институты, возникшие в результате промышленных преобразований последних двух-трех веков. Современное общество представляется ему системой институционализированных форм поведения людей, которые повторяются и воспроизводятся в длительной пространственно-временной перспективе. Дж. Тернер понятием институционализа-

¹ См.: *Гаджиев К.С.* Опыт введения в политологию // Политические исследования. 1992. № 1–2.

² *Резник Ю.М.* Гражданское общество как объект социологического познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. 1995. № 2. С.36.

ция обозначает все многообразные процессы и структуры, при помощи которых люди, группы организуются в обществе¹.

В отечественной социологии также нет единой точки зрения на институционализацию. И это понятно: институциональная сфера присутствует на любом уровне структурной организации общества и проявляется в той степени, в какой деятельность может быть упорядочена и скоординирована при помощи правил, установлений.

Нам представляется, что формирование новых социальных институтов происходит в результате интеграции нового вида практики в уже сложившуюся систему общественных отношений². В ходе институционализации складываются различные организационные формы (институты) — группы, объединения, организации. Объединяя людей, они вырабатывают определенные нормативы, правила поведения, системы ценностей.

Если же говорить о степени разработанности проблем институционализации гражданского общества, то нельзя не сказать о том, что она, как и само гражданское общество, переживает этап своего становления. Во-первых, в социологии еще не сложилось устойчивого сообщества исследователей, которое бы безоговорочно разделяло позицию о наличии этого самого гражданского общества. Во-вторых, далеко не все социологи осознали потребность в научном осмыслении тех институциональных изменений, которые происходят в гражданском обществе. Однако нам представляется, что современная отечественная социология все больше концентрируется на решении практических социальных проблем, имеющих мало сказать государственное, но общегражданское значение. Исследование социальных противоречий в условиях становления гражданского общества так или иначе выводит на моменты, связанные с институционализацией, ибо процесс перехода от командно-административной системы к системе гражданского типа (гражданскому состоянию общества) есть процесс институционального согласования прежде всего. На смену старым институтам приходят новые, отчасти замещающие старые, отчасти вынужденные вписы-

¹ См.: *Парсонс Т.* Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс, 1972. С.364–365; *Гидденс Э.* Социология // Социол. исслед. 1994. № 2; *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1995.

² См.: *Социология: Словарь-справочник.* Т.1. Социальная структура и социальные процессы. М.: Наука, 1990; *Российская социологическая энциклопедия.* М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С.160.

ваться в систему прежних, еще существующих. Отсюда, естественно, возникают противоречия так называемого переходного периода, столкновение различных интересов и целей определенных социальных сил.

Этот конфликт не может не касаться, не затрагивать более глубокий уровень общественного сознания — мы имеем в виду ценностно-нормативный срез общества: новые институты формируют новые правила взаимодействия, новую нормативную структуру общественных отношений. Складывается ситуация, когда в обществе одновременно существуют соперничающие системы правил и норм (отсюда и высокая востребованность в разработке проблем социального партнерства, сотрудничества, нахождения форм общественного согласия, способствующих росту гражданского самосознания населения).

Для социологической науки институциональный анализ имеет особое значение, поскольку признание за социальными институтами статуса ведущих компонент социальной структуры общества, упорядочивающих отношения в отдельных сферах жизни, позволяет выявить роль, место различных социальных институтов в совокупной системе общественных отношений, установить соответствие выполняемых ими функций ценностям и целям общества, а также вскрыть взаимосвязи, существующие между самими социальными институтами. И все это дает возможность выхода на практические рекомендации как по оптимизации деятельности в различных сферах общества, так и по совершенствованию взаимоотношений внутри самих социальных институтов — в нашем случае общественных объединений некоммерческого плана.

Определившись с методологическими подходами, обратимся непосредственно к объекту нашего исследования — некоммерческим общественным объединениям, 8–10% среди которых составляют *благотворительные объединения, организации, фонды*.

Прежде всего, заметим, что процесс возрождения института благотворительности, его «второе пришествие» на российскую землю — ответная реакция общества на сложившуюся социально-экономическую ситуацию, которая характеризуется не только обнищанием сравнительно большей части населения, но и ослаблением потенциала государства. В свое время государство значительно сократило, сузило свои функции в регулировании и развитии социальной сферы, государственная система патронажа существенно ослабла. Население же оказалось один на один со становящимся рынком, далеко не всем удалось вписаться в систему рыночно-конкурентных отноше-

ний. И сегодня государство еще не способно в полной мере удовлетворить даже насущные потребности определенной части населения. «У государства, увы, не хватает рук, времени и средств, чтобы дотянуться до всего, где больно. А общественники занимают эти ниши и делают все сами, ничего у государства не прося»¹. Благотворительность возрождается как реакция общества на вызов времени.

Таким образом, мы фиксируем наличие объективных предпосылок формирования благотворительности как особого вида социальной деятельности — негосударственной добровольной безвозмездной деятельности в социальной сфере. Причем средства, аккумулированные в процессе этой деятельности, передаются добровольно и безвозмездно в пользу тех (лиц, организаций, объединений), которые остро нуждаются в ресурсной поддержке для нормального функционирования. Происходит нечто подобное перераспределению ресурсной массы в пользу более слабых участников, реализующих тот или иной вид деятельности (жизнедеятельности). Чтобы эти процессы не были спонтанными, необходим своеобразный механизм, реализующий их. Вот тогда и появились благотворительные НКО как самостоятельные, некоммерческие негосударственные объединения, взявшие на себя труд исполнять роль этого механизма.

Благотворительность оказалась настолько востребованной, что ею занимаются не только те общественные объединения, которые изначально возникали как благотворительные. Огромное число гражданских общественных объединений, нацеленных на решение проблем совсем иного плана (ветеранские, женские организации, образовательные, просветительские, молодежные, экологические и проч.), впоследствии включали благотворительность в список уставных целей своих организаций.

Эти общественные объединения мы и рассматриваем в качестве *социальных институтов формирующегося гражданского общества*.

Попытаемся доказать, что благотворительные общественные объединения граждан мы вправе рассматривать как социальные институты. Прежде всего, заметим, что деятельность социальных институтов, как указывается в «Российской социологической энциклопедии», определяется рядом признаков: во-первых, набором специфических социальных норм и предписаний, регулирующих соответствующие типы поведения; во-вторых, интеграцией их в

¹ *Абрамов С.* Нельзя назначить человека Сахаровым // Известия. 2001. 2 нояб. С.4.

социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что обеспечивает формально-правовую основу деятельности того или иного института, позволяет осуществлять социальный контроль над институциональными типами действий; в-третьих, наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний и осуществление социального контроля¹.

Первая позиция, позволяющая отнести благотворительные общественные объединения к категории социальных институтов, усматривается нами в наличии у них уставов. Устав — основной документ, своего рода паспорт, лицо организации, разрабатываемый, принимаемый демократическим путем и фиксирующий как основные направления, виды деятельности объединения, так и права, обязанности членов организации. Справедливости ради заметим, что законодательство оставляет за НКО право регистрироваться (или нет) в органах юстиции, что серьезно осложняет работу органов статистики при учете численности этих объединений. Тем не менее первому «требованию», определяющему намерение именоваться социальным институтом, благотворительные общественные объединения удовлетворяют.

Второе. Мы с полным на то основанием смеем утверждать, что благотворительные общественные объединения как «типичные представители» некоммерческих общественных объединений граждан интегрировались в социальную структуру общества, получив название «третьего сектора» (в отличие от первых двух — экономического и политического). В самом деле, членам некоммерческих общественных объединений граждан законодательно не разрешена политическая деятельность — отсюда и тот факт, что их часто именуют неполитическими (исключение составляют общественные движения граждан). Это организации некоммерческие, поскольку юридически им запрещено распределение доходов от любых видов деятельности (включая предпринимательскую) между членами этих организаций. Отсюда и назначение этих гражданских объединений — быть «третьим сектором», помогать и государству, и обществу, быть посредником между государством и обществом, между бизнесом и (в нашем случае) нуждающимися гражданами, организациями, объединениями.

Обретение «третьим сектором» собственной ниши представило возможность узаконить формально-правовую основу его деятельности. Нужно сказать, что в последние десятилетия федеральными и

¹ См.: Российская социол. энциклопедия. С.157.

областными властями принят ряд законов, регламентирующих деятельность организаций и объединений этого сектора общества. Так, 14 апреля 1995 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон РФ «Об общественных объединениях»; 19 июля 1998 г. — № 112-ФЗ РФ «Об общественных объединениях РФ»; 8 июля 1999 г. — № 140-ФЗ «О некоммерческих организациях», а в ряде областей РФ, вслед за Государственной Думой РФ, принявшей в 1996 г. «Закон о благотворительности», были приняты законы «О благотворительности и благотворительной деятельности».

Наконец, нужно сказать, что общественные объединения, в том числе и благотворительные, располагают определенными материальными условиями и средствами для реализации своей деятельности: получают определенные социальные заказы от властей (с соответствующим финансированием), пользуются льготами при аренде помещений, получают организационную, информационную помощь со стороны государственных и муниципальных структур, наконец, им разрешена и коммерческая деятельность (запрещается только распределение доходов от нее среди членов объединения).

Таким образом, мы полагаем, что благотворительные общественные объединения с полным на то основанием имеют право претендовать на статус полноправного социального института.

Как любой социальный институт, благотворительные общественные объединения характеризуются наличием цели деятельности (в нашем случае это благотворительность), соответствующими функциями и принципами (по возможности нивелировать последствия имущественного неравенства на основе добровольного оказания бескорыстной помощи нуждающимся, стремиться к обеспечению равенства возможностей), набором статусов и ролей, обеспечивающих успех деятельности объединения (благотворители — с одной стороны, благополучатели — с другой; наличие структуры объединения — руководитель, его заместители (лидеры), руководители программ (координаторы), руководители отделов и секторов плюс волонтеры, добровольцы).

И еще один момент в пользу того, что благотворительные общественные объединения суть социальные институты: они воспроизводятся в разных типах общественного устройства. Так, интересующие нас благотворительные общественные объединения имели место в России и в XIX, и в XX вв. (и в дореволюционной, и в постперестроечной России), а сегодня переживают свое второе рождение. При всех явных отличиях институты благотворительности воспроизводят, сохраняют свою целевую и

функциональную направленность, как подобает социальным институтам.

В этом плане достаточным аргументом можно считать колоссальный рост числа НКО (и благотворительных в том числе) в постперестроечный период. Так, в период с марта 1998 по май 2001 г. «третий сектор» России значительно расширился численно (и по количеству организаций, и по клиентской базе, и по числу занятых в секторе). По материалам официальной статистики, на 1 января 2000 г. в России было 275 тысяч негосударственных немуниципальных некоммерческих организаций, из них 70 тысяч (!) реально вели активную работу, в которой участвовало около 2,5 млн человек, включая штатных сотрудников и добровольцев¹. Всего услугами некоммерческих организаций в 2000 г. было охвачено 12% населения России². По разным исследованиям, в 2001 г. «больше 20 миллионов человек в России пользовались услугами некоммерческих организаций»³.

Благодаря передаче значительной части социальных функций в ведение некоммерческого сектора, наблюдается существенная экономия государственных средств. Так, по материалам распространенного в 2000 г. доклада, подготовленного коллективом авторов по заказу Центра стратегических разработок при Минэкономике РФ, экономия бюджета к 2004–2005 гг. потенциально может достигнуть 1–2 млрд долларов в год, в дальнейшем прогнозируется рост привлечений до 5–10 млрд американских долларов в год⁴.

Таким образом, современный сектор НКО в России с полным основанием может быть отнесен к классу становящихся социальных феноменов (частный бизнес, партии, современные профсоюзы, местное самоуправление и т.п.), которые уже сегодня ста-

¹ Интервью с президентом Института проблем гражданского общества М.А. Слободской // Повседневность некоммерческих организаций. ОФМ. 2001. 17 июля. С.24.

² См.: *Акопов П.* Власть построит гражданское общество и разделит в нем ответственность // Известия. 2001. 14 июня С.4.

³ *Аузан А.* Производители условий жизни // Известия. 2001. 14 нояб. С.4.

⁴ Государственная политика в области содействия гражданским инициативам: позиция неправительственных организаций. Доклад подготовлен коллективом авторов в марте–мае 2000 г. Распространялся с июня 2000 г. С.28 // Материалы Первой национальной конференции некоммерческих организаций России. 11–14 октября 2000 г. Москва; Виноградovo, Холидей-Инн: САФ.

новятся полноправными, полноценными социальными институтами российского гражданского общества.

Сформировавшись как социальный институт, некоммерческие объединения, в данном случае благотворительные НКО, оказывают определенное влияние на ценностно-мотивационную структуру участников благотворительной деятельности, членов этих организаций. Остановимся на этом чуть подробнее.

Дело в том, что период функционального становления благотворительных, как, впрочем, и всех некоммерческих организаций, проходил в условиях социальной и нравственной аномии российского общества. Кроме того, становление благотворительных организаций и фондов, а следовательно, и развитие масштабов благотворительности шло такими стремительными темпами, которые практически не оставляли времени и возможности для фиксации и осмысления возрождающихся в сознании и организаторов, и рядовых участников благотворительности общечеловеческих, нравственных ценностей. Все эти обстоятельства, как мы полагаем, не могли не сказаться на характере, содержании и структуре ценностно-мотивационной сферы сознания участников процесса формирования общественных объединений, занятых благотворительной деятельностью.

Основополагающим условием заинтересованности лидера благотворительной НКО в своей общественной миссии и способности к ее эффективной реализации нам представляется наличие в его мировоззрении специфического ценностно-рационального отношения к *смыслу жизни*. Многочисленные исследования убедительно свидетельствуют о том, что человек, стремящийся к конструированию собственного смысла жизни, не только не «чужак» (как это часто представляется здравому смыслу), а наоборот — цельная и ясная личность, способная достигать значительных социально-статусных высот. Осознание смысла жизни необходимо человеку для того, чтобы творить собственный жизненный путь не методом проб и ошибок, а целенаправленно следовать определенной системе ценностей. Разумеется, подобная максима есть некий «идеальный тип», который в социологическом измерении предстает в виде совокупности смыслов жизни реальных людей, наделенных как добродетельными, так и прямо противоположными качествами.

Особое значение смысл жизни в судьбе и жизнедеятельности человека приобретает в эпоху общественных катаклизмов и трансформаций, в которой оказались наши будущие респонденты — лидеры некоммерческих организаций, реализующих благотворитель-

ную миссию. Именно поэтому в инструмент, использованный нами при проведении социологического исследования с целью создания социального портрета лидеров НКО Свердловской области, был включен вопрос, позволяющий выявить их представление о смысле жизни¹. Обратимся к результатам анализа материалов опроса (см. табл. 1).

Таблица 1

Лидеры НКО о своем понимании смысла жизни²
(в % к числу ответов)

Варианты суждений	Лидеры НКО в целом	Лидеры НКО, занимающиеся благотворительностью
Живем только один раз, поэтому нужно постараться взять от жизни как можно больше	10,4	6,7
Живем только один раз, поэтому нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, помня о добре и зле	73,2	82,0
Живем только раз, и не стоит растрчивать жизнь на земные соблазны – нужно посвятить себя высшим духовным ценностям	6,6	5,8
Затруднились ответить	9,8	5,5
ИТОГО:	100,0	100,0

Как видно, выделенные нами группы лидеров НКО отличаются друг от друга своим выбором формулировки смысла жизни. Дело в том, что первое суждение отражает извращенно рациональную, с налетом «рваческой» установки позицию. И удивляет здесь не столько различие между анализируемыми группами респондентов (тем более что оно крайне мало), сколько сам по себе факт на-

¹ Здесь и далее приводятся результаты социологического исследования, осуществленного авторами в г. Екатеринбурге и Свердловской области в 1996 и 2000 гг. На первом этапе было опрошено 132 лидера НКО, в том числе 47 благотворительных организаций, на втором — 347 чел., в том числе 213 лидеров благотворительных НКО.

² Приведенные формулировки суждений о смысле жизни заимствованы нами из: *Зубов А.* Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et contra. Т.2 1997. № 4. С.22–37.

личия в социальной группе лидеров НКО вообще и благотворительных организаций в частности людей с подобной смысложизненной позицией. Что это? Наследие коммунистического прошлого или примета времени с его ценностной аномией? Ответ на этот вопрос становится более или менее очевидным при обращении к данным таблицы 2.

Таблица 2

Влияние возраста респондента на выбор суждения о смысле жизни
(в % к числу ответов)

Возраст	С у ж д е н и я:				Итого
	Живем только один раз, поэтому нужно постараться взять от жизни как можно больше	Живем только один раз, поэтому нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, помня о добре и зле	Живем только раз, и не стоит растрачивать жизнь на земные соблазны – нужно посвятить себя высшим духовным ценностям	Затруднились ответить	
До 30 лет	28,2/36,4	58,8/63,6	4,7/-	8,3/-	100,0/100,0
31–40	8,2/10,0	68,9/75,0	14,8/10,0	8,1/5,0	100,0/100,0
41–50	1,3/-	82,9/90,9	2,6/3,0	13,2/6,1	100,0/100,0
51–60	2,2/-	75,6/68,4	8,9/15,8	13,3/15,8	100,0/100,0
Старше 60	–	86,7/100,0	10,0/-	3,3/-	100,0/100,0

Примечание: в числителе – % ответов по НКО в целом, в знаменателе – лидеров благотворительных НКО.

Нельзя сказать, что в табл. 2 дан исчерпывающий ответ на поставленный выше вопрос. Однако одно становится совершенно очевидным: обнаружена существенная деформация представления о смысле жизни довольно-таки существенной части молодых лидеров благотворительных организаций сугубо «делаческими», «квазирыночными» мотивами, корни которых, как нам представляется, кроются в общей аномии ценностного мира молодых россиян.

Но в подавляющем большинстве случаев, как это видно из табл. 1 и 2, именно вторая формулировка (протестантская) смысла жизни обнаружила нравственное преимущество лидеров благотворительных НКО, что представляется весьма симптоматичным. И пусть это пока лишь тенденция, но она убедительно свидетельствует о том, что смысложизненная составляющая ценностно-мотивационного мира лидеров российских благотворительных организаций все в большей степени тяготеет к европейской системе общечеловеческих ценностей.

В этом свете возникает существенная и крайне сложная общекультурная проблема: насколько выявленная смысложизненная установка большинства лидеров благотворительных НКО способна повлиять на их сотрудничество с традиционно российскими конфессиями (православием, исламом и иудаизмом), уделяющими проблеме благотворительности весьма ошутимое внимание. Но это особая тема, требующая специальных исследований.

Пока же продолжим экскурс в результаты наших исследований ценностно-мотивационного мира организаторов российской благотворительности.

Анализ полученных материалов показал, что ценностный мир сознания лидеров благотворительных НКО — многослойное и в определенной мере весьма противоречивое образование. Прежде чем проиллюстрировать его содержание, приведем формулировку вопроса, с которым мы обращались к респондентам: «Выберите, пожалуйста, из приведенных ниже суждений о значимости для Вас работы в «третьем секторе» в наибольшей степени отражающие вашу позицию». Каждый респондент мог выбрать не более трех суждений. Вот как выглядит их список (в % к числу опрошенных):

	Лидеры НКО в целом	Лидеры благотворительных НКО
Приятно осознавать себя человеком, который может и умеет помочь другим	— 33,3	45,0
Общественная работа помогает мне не быть безучастным к чужой беде	— 32,6	39,0
Общественная работа дает мне возможность бороться с несправедливостью	— 32,6	39,0
Общественная работа для меня и смысл, и содержание моей жизни	— 18,9	20,4

Одного взгляда достаточно, чтобы убедиться в том, что лидерам НКО не чуждо ничто человеческое: главное для них — возможность почувствовать себя человеком, способным помочь другим, нуждающимся в помощи и участии людям. Но в то же время очевидно, что по всем приведенным здесь признакам лидеры благотворительных НКО выглядят по сравнению с лидерами НКО в целом большими филантропами.

Немаловажное значение в контексте рассматриваемой в настоящей статье проблемы имеет то, какие мотивы обусловили

участие лидеров НКО, в том числе и благотворительных НКО, в общественной деятельности (в % к числу опрошенных):

	Лидеры НКО в целом	Лидеры благотворительных НКО
Необходимость усиления социальной защиты людей	— 37,1	45,0
Потребность в общении с единомышленниками	— 37,1	33,0
Желание помочь малоимущим, бедным и больным	— 29,0	37,0
Возможность на деле исполнить заповедь «помоги ближнему своему»	— 29,0	31,0
Необходимость участия в сохранении и развитии культуры	— 26,0	16,3
Необходимость защиты прав человека	— 21,0	31,0
Желание помочь талантливым детям	— 16,0	8,2
Необходимость формирования активных граждан, способных защищать интересы гражданского общества	— 12,1	18,4

Нетрудно дать интегральную оценку смысла всей приведенной здесь картины ценностных ориентаций и мотивов наших респондентов, ибо в своей совокупности они артикулируют очевидную интенцию сознания значительной части лидеров благотворительных НКО на стремление быть милосердными по отношению к людям, к чужой беде. Это отрадно. Вместе с тем отметим тот неприятный факт, что в сознании абсолютного большинства лидеров НКО в целом и благотворительных НКО в частности достаточно очевидно прослеживается дисбаланс между мотивами милосердия, сострадания и мотивами гражданственности: защиты прав человека и отстаивания интересов нарождающегося в нашей стране гражданского общества.

Одной из теоретических гипотез, проверявшихся в исследовании, было предположение о том, что в условиях катастрофического обнищания большей части интеллигенции (к которой, по нашим данным, относится более 80,0% респондентов), продолжающегося уже более десяти лет, для многих организаторов и членов благотворительных организаций эта сфера деятельности была (да и не только была) способом выживания в прямом смысле этого слова. Эта гипотеза, к нашему удовольствию, если и подтвердилась, то лишь отчасти.

Характерно, что, как и в предыдущих случаях, нравственное преимущество оказалось опять-таки за лидерами благотворитель-

ных организаций. В первую очередь это утверждение относится к такому мотиву, как «возможность улучшения своего материального положения»: он практически **вдвое слабее** выражен у лидеров, возглавляющих организации благотворительной направленности. Сравните: 8,4 и 4,9% ответивших, соответственно.

Более того, мы располагаем данными, которые свидетельствуют о том, что для лидеров благотворительных организаций моральное удовлетворение от своей работы значительно важнее, чем материальное. Так, если в качестве ведущей гипотетической причины возможного ухода из общественной организации («да» и «скорее да, чем нет») 73,2% опрошенных лидеров в целом отмечают: «если работа перестанет приносить материальное удовлетворение», то среди лидеров благотворительных объединений таких ответов всего лишь 22,6%.

Та же картина наблюдается в оценке мотивационной силы такой гипотетической причины ухода из НКО, как «если работа не будет давать морального удовлетворения»: 41,3% для лидеров НКО в целом, но 60,8% (!) для лидеров благотворительных объединений.

Сосредоточенность на чувстве милосердия, сострадания этой группы лидеров обусловила тот факт, что у них намного слабее, чем у опрошенных лидеров в целом, развито стремление к получению общественного признания за работу: 61,1% против 33,9%.

Даже такая возможная причина ухода из общественной работы, как «осложнения в семейной жизни», у лидеров благотворительных организаций выражена слабее (31,3%), чем у лидеров некоммерческого сектора в целом (47,8%). Следовательно, у большей части лидеров как чисто благотворительных, так и других НКО, осуществляющих благотворительную деятельность, уже сформировалась достаточно устойчивая, хотя в определенном смысле противоречивая, мотивация их многотрудной общественной миссии. Одновременно мы имеем все основания утверждать, что ценностно-мотивационное наполнение сознания лидеров благотворительных НКО в большей мере приближается к идеалу бескорыстного служения людям, обществу.

Но это лишь одна из возможных констатаций по поводу осуществленного анализа. Если рассмотреть приведенные выше результаты в более широком контексте, то становится очевидным тот факт, что практика благотворительной деятельности, даже если она и не является единственной и основной сферой приложения сил НКО, оказывает сильное социокультурное влияние на весь жизненный мир человека, а в нашем случае — лидера конкретной организации.

Более того, материалы наших социологических исследований убеждают в преимуществе лидеров благотворительных НКО в духовно-нравственной трактовке смысла жизни и ценности своей общественной деятельности по сравнению с лидерами некоммерческих общественных объединений в целом.

Таким образом, в чисто организационном плане благотворительные объединения отвечают всем формальным признакам социального института. Поскольку же мы настаиваем на том, что это институты гражданского общества, существующего вместе с государством, но автономно от него, видимо, необходимо охарактеризовать взаимоотношения государства и благотворительных НКО.

Случилось так, что и государство, и благотворительные НКО выполняют в обществе одни и те же функции, только на разных основаниях. Если для первых эти функции — их непосредственная обязанность: чиновникам служб социальной защиты населения предписано их должностными обязанностями работать с населением, то последние берут на себя безвозмездное, добровольное осуществление социально-защитных обязанностей государства — его госслужащих. Получается, что чем больше организаций «третьего сектора» (чем шире гражданский сектор общества), тем уже, тем более усеченным представляется спектр деятельности государства. И в этом коренится одно из препятствий для расширения деятельности благотворительных общественных объединений: государству не просто расстаться с частью своих патронажно-социальных функций. Соответствующие органы защиты населения и благотворительные организации оказываются конкурентами (причем их возможности далеко не равны). Поэтому благотворительным организациям приходится сталкиваться с властными структурами — партнерские отношения между ними складываются не так просто и не так часто, как того требует общее дело. Как совершенно справедливо замечает Э.А. Фомин, «вообще для государства благотворительность есть особая форма имущественных отношений, связанных с движением материальных ресурсов. Поэтому оно относится к ней весьма заинтересованно как к хозяйственной деятельности и совершенно безразлично к тому, что это, в первую очередь, этический и культурный феномен, приводящий в движение совсем другого рода ценности — этические и культурные»¹.

¹ Фомин Э.А. Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи // Благотворительность в России. СПб., 2001. С.28.

Об отношении участников благотворительной деятельности к государству мы можем судить по ответам лидеров благотворительных организаций, опрошенных нами в ходе социологического исследования, осуществленного авторами в г. Екатеринбурге и Свердловской области в 1996–2000 гг.

Итак, более 40% ответивших на вопросы интервью лидеров благотворительных организаций рассматривают государство как инструмент гражданского общества, чуть более 31% — как орган управления, для почти 20% (каждого пятого) на сегодняшний день «государство — это орган принуждения» и лишь 5,4% участников опроса склонны рассматривать государство как «служу народа».

Таким образом, лидеры благотворительных общественных объединений усматривают в такой ситуации громадный простор для развития и активизации собственной деятельности, независимой от государства, т.е. для такой формы гражданского участия, как работа в благотворительных организациях, по мнению лидеров НКО, существуют широкие горизонты.

И еще. Проведенный анализ приводит к мысли о том, что успехи формирования гражданского общества в нашей стране прямо пропорциональны развитию «третьего сектора», в том числе благотворительных некоммерческих общественных объединений, с одной стороны, а с другой — формирование институционального поля гражданского общества будет позитивно влиять и на расширение благотворительного сектора гражданского общества.